

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Культурные практики

«ПРОЛЕТАРСКИЕ МАССЫ» И КУЛЬТУРА:
ПРЕОДОЛЕНИЕ ОТЧУЖДЕНИЯ

Л.А. БУЛАВКА-БУЗГАЛИНА

Массы и культура. Антиномичный характер взаимосвязи этих понятий, казалось бы, уже давно является аксиомой, не имеющей никаких оснований быть пересмотренной. Масса довольствуется, как правило, симулякром культуры, а культура в условиях массового общества становится все более отчужденной от индивида, и чем она подлиннее, тем больше степень этого отчуждения. Нарастающая острота и одновременно неразрешенность этой проблемы, перешагнувшая из второй половины XX в. уже в XXI в., в конечном итоге привели к тому, что вопрос отчуждения масс от культуры стал считаться имманентной характеристикой массового общества. А, как известно, системное свойство снимается вместе с самой системой, поэтому по мере сохранения массового общества вопрос о преодолении отчуждения масс от культуры, казалось бы, так и остается неактуальным. Но в действительности такой подход означал, прежде всего, идейную и теоретическую капитуляцию перед столь важной проблемой, вскрывающей диалектику взаимосвязи индивида, общества и культуры.

Значение этого вопроса, который был заявлен в связи с формированием общества потребления, сегодня – в условиях его глобализации – не только возросло, но и придало ему характер первостепенной важности. Острота этой первостепенности обусловлена не только возросшей степенью отчуждения масс от культуры, но и качественным изменением его внутренней природы: *частный индивид (частный интерес)* как исходный пункт, «клеточка» современной российской реальности, с одной стороны, становится все более и более атомизированным, а с другой – все более зависимым от условий глобального рынка.

Неразрешенность этого противоречия в конечном итоге усиливает доминирование того пути развития, который можно определить как «глобализацию тотального отчуждения». Эта тенденция придает *тотальный* характер и отчуждению индивида от культуры. Но природа этого типа отчуждения, характерного для эпохи глобализации, является несколько иной, чем то, что было характерно для общества потребления

XX в. Одним из важнейших различий между ними является то обстоятельство, что индивид эпохи глобализации объективно становится функцией (рыночным агентом) масс-медийно-культурных сетей. По мере того, как производство масс-медийной продукции превращается в один из «локомотивов» мирового бизнеса¹, являясь одновременно доминирующей формой современного глобального рынка, индивид, будучи агентом отношений купли-продажи, постепенно становится еще и агентом ее производства.

Так, *частный индивид*, поглощаясь масс-медийной системой и окончательно превращаясь в ее функцию, в конечном итоге становится агентом производства *симулятивной действительности*. Означает ли это необходимость отрицания самой масс-медийной системы, как и многих других достижений глобализации? Конечно, нет. Но экономическая основа их развития, обусловленная глобальной гегемонией капитала, навязывает им такие социальные формы, которые, продуцируя отношения тотального отчуждения, ставят на повестку дня истории вопрос об их качественной смене. Так, например, Бодрийяр² поднимает вопрос об условиях и перспективах использования масс-медийной системы в интересах формирования именно социалистической альтернативы развития.

Одним словом, суть отчуждения *частного индивида* от культуры в эпоху глобализации заключается в том, что он становится не только носителем, но самое главное — производителем «*царства симуляции*» как результата *глобализации отчуждения*.

Следующая из этого альтернатива сегодня жестка как никогда: либо преодоление отчуждения человека от культуры как основы тотальной формы самоотчуждения, либо необратимая мутация человека как родового существа.

Обостренная актуальность этой проблемы заставляет обратиться к тем историческим практикам, которые были связаны с попытками постановки и решения проблемы преодоления отчуждения масс от культуры, причем в условиях, казалось бы, абсолютно непригодных для этого. А каковы были эти условия в ближайшем преддверии революционного излома России накануне Красного Октября — об этом красноречиво свидетельствуют дневниковые записи (январь 1917 г.) Л.А. Тихомирова — в прошлом известного революционера (активиста «Земли и воли», «Черного передела», «Народной воли»), но впоследствии автора нашумевшей книги «Почему я перестал быть революционером» (написанной с монархической позиции): «Я часто ломаю голову над вопросом, чем можно спасти монархию? И право — не вижу средств... Анархия полная... Распоряжения глупые. Полная неспособность обуздать спекуляторов. Цены поднялись — до невозможности жить... И вопрос об измене ничуть не праздный, и все о нем кричат... В перевороте видят единственный способ уничтожить

измену... Знает ли это положение Государь?.. И это — вовсе не настроение одних “революционеров”. Теперь против царя — в смысле полного неверия в него — множество самых обычных “обывателей”, даже тех, которые в 1905 г. были монархистами правыми и самоотверженно стояли против революции»³. И далее: «В Москве — недостаток муки и хлеба... Истинно столпотворение Вавилонское. А “представители союзных стран” банкетнируют с представителями нашей “общественности” и совместно говорят речи о грядущей победе... Мильнер также уже рисует в речи своей, как англичане будут устраивать нашу промышленность. Конечно, будут, как устраивают в Индии. Злополучная страна... Загубила ее эта никуда не годная “интеллигенция”, ничего не знающая кроме “прав человека и гражданина”, да жалованье на партийной, общественной и казенной службе. Кто учил труду? Кто учил развитию сил, кто учил вырабатывать мозг страны? Все это “реакционно”... Но сумеет ли Россия устроиться или нет, а переворот какой-то, кажется, неизбежен»⁴.

Сегодня другая общественная ситуация, но противоречия капиталистической глобализации порождают вопросы не менее острые, требующие незамедлительного решения. Вот почему автор обращается к тому историческому прецеденту — революционным практикам 1920-х гг., — когда большевиками был поставлен вопрос о снятии отчуждения «пролетарских масс» от культуры.

Запрос на новую культуру

Провозгласив себя субъектом революционных исторических преобразований, пролетариат объективно поставил вопрос о своем *субъектном бытии в культуре*. В этом, казалось бы, утопическом и дерзком заявлении пролетариата в 1917 г., в действительности выразилась диалектика высвобождения человека из рабского существования, предоставляющего ему лишь одну роль — объекта (сытого или нет — в данном случае это уже не столь важно) и функции господствующих сил отчуждения (капитала, бюрократии, рынка).

Но это высвобождение невозможно вне обязательности освоения пролетариатом наследия мировой культуры, в противном случае оно быстро превращается в произвол волюнтаристского самоуправства, в том числе и по отношению к культуре. Дальнейшая советская история доказала закономерность этой диалектики как в негативных, так и в позитивных практиках. Поэтому, начав крупномасштабные общественные преобразования, революционный субъект объективно нуждался в культуре, но такой, которая, будучи по своей природе всеобщей, одновременно отвечала бы его классовому интересу — созданию *магистральной* социалистической перспективы развития. Однако эта объективная потребность пролетариата в культуре была связана с целым узлом серьезных вопросов.

С одной стороны, вопрос преодоления отчуждения трудящихся от культуры для пролетариата становился необходимостью первого порядка, определяющей не только качество и перспективу его исторического дела, но и прочность его политической власти. Классу, не «пришедшему» к власти, а завоевавшему ее, объективно и жизненно необходима была та культура, которая давала бы ему понимание не только того, *где и какие* устанавливать в обществе новые порядки, но и *как* осуществлять переход к тому историческому пути развития, ради которого и велись классовые сражения.

С другой стороны, сменив баррикады трех революций, демонстрирующий *свою классовую* силу пролетариат, в конце концов, задал вопрос, на который он имел историческое право: откуда может взяться та культура, которая была бы *Для него, Про него и От него?*

Правда, идеологами Пролеткульта этот вопрос был поставлен как вопрос о «своей» — пролетарской культуре, которая, по их мнению, всей его предшествующей историей так и не была подготовлена. Вот что писал об этом журнал «Пролетарская культура» в 1919 г.: «И совершенно напрасны и бессмысленны старания найти где-то такую эпоху, где-то такое течение в искусстве, из которого можно было бы выудить художество для современного борющегося пролетариата. Нет ни такой эпохи, ни такого течения в искусстве. История не повторяется»⁵.

Абстрагируясь пока от противоречий пролеткультовского определения «своя культура» (об этом речь пойдет ниже), тем не менее, нельзя не признать за пролетариатом права на ту культуру, которая объективно отвечала бы его насущной потребности — общественного переустройства мира в соответствии с интересами человека труда; культуру, которая отражала бы его чаяния и надежды; более того, несла такую художественную нагрузку, которая давала бы ему возможность осмыслить себя, свои противоречия, свое место в общественной ситуации между разломом старого и зарождением нового. Одним словом, такую культуру, которая позволила бы ему разглядеть и обеспечить перспективы своего движения в истории.

Еще лет 20 назад подобные рассуждения могли бы восприниматься как идеологическая демагогия, но сегодня ситуация культурной обездоленности широких социальных слоев уже стала привычным фактом современного общественного ландшафта, постепенно «освождающегося» от культуры.

Вот и тогда, на революционном изломе России, пролетариат именно как класс идеологически востребовал *новую* культуру, которая была бы связана с его жизнью, деятельностью и перспективами развития.

Следует отметить, что запрос на *обновление* культуры был обусловлен и самим ее объективным состоянием накануне Октября 1917 г., а оно расценивалось даже самой творческой интеллигенцией как глубоко кризисное. С одной стороны, культура содержательно уже не справлялась с

той напряженностью и остротой общественных противоречий, которые были вызваны ситуацией Первой мировой войны. Художественное высказывание к этому времени реально было уже исчерпано: символизм был чрезмерно театрализован; в формалистической тенденции футуризма проявлялись противоречивые формы и смыслы. С другой стороны, противоречия уже самой культуры, требующие своего разрешения, оставались по-прежнему ограниченными старыми социальными формами без возможности их развития. Суть этого кризиса выразил А. Блок в своем докладе «Крушение гуманизма»: «Творческий труд сменяется безрадостной работой, открытия уступают первое место изобретениям. Все множественно, все не спаяно; не стало цемента, потребного для спайки; дух музыки отлетел, и “чувство недовольства собою и окружающим”, по признанию историка, “доводит до изнеможения”. Мы имеем право сказать о себе словами Паскаля, что человек бежит от самого себя. Таков недуг нашей эпохи, и симптомы его так же очевидны для человека мыслящего, как физическое ощущение приближения грозы»⁶.

Об исчерпанности прежних смыслов культуры и ее надломленности говорили многие в этот период, независимо от своих идейных предпочтений: «Мы только знаем, что случилось “что-то” в мире, и это “что-то” вылилось в формы социальной революции и потрясло старый фундамент, старые устои. Пошатнулось — что? — цивилизация или культура?.. Но с другой стороны, рухнула и культура определенного европейского уклада»⁷.

Кризис культуры проявлялся не столько в изношенности ее художественных форм, сколько в исчерпанности того, что задает ей (1) вектор ценностной ориентации, (2) меру гуманизма (человечности), (3) характер творческой органики, (4) этическую напряженность ее субъекта, (5) степень всеобщности (универсальности), (6) содержательные приоритеты. И один из важнейших симптомов этого кризиса — это кризис понятия «человек» как отправного, так и конечного адресата творческого выражения в культуре. Обостренность общественного самосознания этого культурного кризиса, заявившая о себе еще в преддверии Октября 1917 г., была важнейшей предпосылкой и критерием исторического запроса на *новую* культуру.

Итак, можно сказать, что уже накануне Октябрьской революции сформировались два типа общественного запроса на *новую* культуру. Первый — *идеологический*, востребовавший *пролетарскую* культуру, призванную отвечать интересам трудящихся масс как субъекта социалистической «перезагрузки» истории. Второй — *культурный*, ориентированный на такое обновление социальных форм «старой» (предшествующей) *общечеловеческой* культуры, ограничивающих ее развитие, которое связало бы ее с магистралью исторического развития, открывающей для нее новое будущее. Говоря современным языком, историческая ситуация накануне Октября 1917 г. требовала

«перезагрузки» и самой культуры. Но в связи с этим вставал вопрос: подразумевали ли эти два запроса на новую культуру два разных типа *новой* культуры, или все же один, но только именуемый разными социальными «заказчиками» по-разному?

Вот как формулировал этот вопрос А.А. Мейер: «...является ли в действительности пролетарская культура высвобождением общечеловеческой культуры после полного разрушения какой-то старой культуры, действительно ли речь идет о новой культуре, действительно ли творится новая культура или только цивилизация»⁸.

Запрос вскрыл внутреннее противоречие идеологии пролетариата

За этими вопросами обнаруживалось одно из важнейших противоречий социализма: без активного включения мирового культурного наследия в процессы общественных преобразований ставить вопрос о перспективе политической власти пролетариата как ведущего класса нельзя, но в то же время эту проблему непросто решить — это вопрос исторической перспективы.

Итак, Октябрьская революция 1917 г. выявила одно очень глубокое противоречие: пролетариат, героически и плодотворно осуществляя себя в качестве субъекта истории и потому особенно нуждающийся в культуре, быть ее творцом в горизонте ближайшей исторической перспективы не мог.

В связи с этим напрашивается вопрос — тогда зачем пролетариату нужно было вести все эти исторические битвы на революционных баррикадах? Во имя чего? Только во имя сытости и политической гегемонии? Но тогда в чем состояла *социалистичность* Октябрьской революции, отличающая ее от других типов революций? В любом случае обостренно оставались открытыми пять вопросов.

Первый. Насколько вообще взаимосвязь пролетариата и культуры является той исторической необходимостью, которая определяет развитие как отдельного индивида, так и общества в целом?

Пролетариат и культура. Обязательность сопряжения этих понятий уже давно для многих перестала обладать силой бытовавшей в ранние советские времена аксиомы. Более того, проблема отчуждения пролетариата от культуры, доставшаяся ему в наследство еще с дореволюционного периода, но позже поставленная большевиками в плоскость ее практического разрешения, сегодня чаще всего расценивается скорее как закономерное следствие проявления имманентной природы самого этого класса. С позиции господствующего сегодня мировоззрения «пролетарские массы» объективно не способны осваивать, воспринимать и тем более творить подлинную культуру. Поэтому пусть довлеют массовой культурой, а вот «элитарная» — это уже для «избранных». Правда, здесь обнаруживается парадокс: «избранные», не принимая принцип классовости как таковой, но в то же время,

разделяя культуру на массовую и элитарную, тем самым настойчиво проводят идею классовой демаркации, забывая, что это понятие включает в себя еще и потенциал классового противостояния.

Второй. Имеет ли право класс, создающий материальное «тело» культуры, не только на формальный доступ к ней, но на полноценное включение в ее содержание, причем не только в качестве зрителя галерки, но еще и главного действующего лица?

Третий. Откуда революционным массам взять «свою» культуру, если понимать под этим не «культуру-для себя как особого класса», а культуру, могущую принять вызовы решаемых ими исторических задач во имя развития общества в целом, причем не сужаемого ни государственными, ни национальными, ни религиозными границами?

Четвертый. Если пролетариат не может создать новую, соответствующую его историческим задачам культуру, то тогда кто сможет решить эту задачу? Интеллигенция? Но захочет ли она обслуживать чуждый ее интересам и тем более ее вкусам пролетариат? Саботаж культурной политики большевиков со стороны большей части интеллигенции в первый революционный период — одно из горьких тому подтверждений.

Пятый. Из всего вышесказанного, казалось бы, следует далекий от оптимизма вопрос: если пролетариат объективно не мог быть субъектом культуры, то не означает ли это, что для него оказывалась закрытой дорога к творчеству вообще? Ведь культура, как принято считать, является едва ли не единственным пространством творческой реализации индивида, и не побоюсь сказать — даже целого класса трудящихся. Этот вопрос обретал особую актуальность еще и в связи с тем, что характер труда большей части пролетариата был далек от творчества, оставаясь чаще всего физическим и тяжелым еще на долгие и долгие годы.

Все эти вопросы и составляют суть той проблемы, которую можно сформулировать как проблему преодоления отчуждения человека труда (пролетариата) от культуры. Эта проблема во всей полноте была продемонстрирована Октябрьской революцией 1917 г., и именно большевики вопрос о снятии отчуждения трудящихся от культуры во-первых, определили как сверхзадачу своей политической стратегии⁹ и, во-вторых, вывели в поле практического решения в соответствии со всей сложностью ее содержания.

Большевики поставили этот вопрос по-марксистски: проблема снятия отчуждения от культуры не сводима лишь к проблеме доступа трудящихся к культуре и ее освоения. Эти задачи в определенной степени решаются и в концепте буржуазного развития.

Логика социалистического развития диктует следующую диалектику решения этой проблемы: от (1) *доступности* культурного наследия — через его (2) *освоение* — к (3) *творчеству культуры*.

Откуда взять новую — пролетарскую культуру?

Итак, *субъектное бытие* пролетариата в истории предполагает и его *субъектное бытие в культуре*, что означает не только освоение культуры, но и ее творчество, даже если речь идет о пролетарской культуре.

Но о каком творчестве культуры можно говорить, если основная масса трудящихся в этот исторический период не обладала даже элементарным уровнем образования¹⁰? И действительно, эта проблема являлась задачей гигантского масштаба. Но это была не единственная сложность решения проблемы — снятия отчуждения трудящихся от культуры. Включение в культурное творчество требует не только соответствующего образования, но и необходимых материальных условий, да и просто физической возможности (наличия сил и времени), чтобы воспользоваться предоставляемой доступностью культуры, если, конечно, эта доступность есть. Так что вывод, казалось бы, напрашивается сам собой: будучи отчужденным от мирового культурного наследия всей предшествующей историей, пролетариат сам создать такую культуру (по крайней мере, в горизонте ближайшей исторической перспективы) объективно не мог.

Буржуазия, в отличие от пролетариата, этот вопрос решить смогла. Посредством найма творческой интеллигенции класс буржуазии все же смог создать культуру, которая не только отвечала (хотя и до определенного момента) его историческим интересам, но одновременно стала значительным вкладом в мировое культурное наследие. Но мог ли пролетариат доверить вопрос создания новой — «пролетарской» культуры, отвечающей его историческим задачам той же самой интеллигенции, которая столь плодотворно в творческом отношении обслуживала класс буржуазии? Этот вопрос не раз ставился идеологами Пролеткульта.

Вот как на этот вопрос отвечал один из одесских пролеткультовских журналов, издававшихся в разгар Гражданской войны: «Не может создать живую, здоровую культуру отживающий, умирающий класс. В руках буржуазии все вековые богатства... Однако, несмотря на все это буржуазия не в состоянии создать ничего... Никакие румяна и пудры, никакие миллионы не в состоянии у буржуазии искупить ее страшный классовый порок — художественно-культурную импотентность. Это должна раз и навсегда учесть молодая рабочая демократия. Должна учесть и сделать соответствующие выводы... При отсутствии таланта архитектора горы золота не в состоянии создать ни одной арки храма культуры. Вместо храма получается золоченая казарма»¹¹.

Кто может создать новую культуру?

Революционные 1920-е годы бурлили общественными дискуссиями по поводу того, кто *может* и кто *должен* создавать пролетарскую

культуру, выявляя все разнообразие позиций по этому вопросу. Вот некоторые из них:

- «Когда выступают на историческую арену те слои человечества, которые до сих пор в этом делании не участвовали, то им приходится или принять наследие высших господствующих классов, или выйти на “арену” без всякой культуры»¹² (А. Мейер);
- «...пролетариату открыт широкий путь, но не как классу, а только как творческому началу одного общего великого целого — великого народа»¹³ (А. Иванов-Разумник);
- «...пролетариату самому по себе в отдельности этой новой культуры не создать»¹⁴ (А. Гизетти);
- «Задача строительства пролетарской культуры может быть решена только силами самого пролетариата, учеными, художниками, инженерами и т.п., вышедшими из его среды»¹⁵ (В. Плетнев).

Ответ идеологов Пролеткульта

Позицию, сходную со взглядами В. Плетнева, отстаивал и П.И. Лебедев-Полянский в своем докладе «Революция и культурные задачи пролетариата»: «Но кто же все-таки может разрешить проблему пролетарской культуры? Только пролетариат. Только он — путем самодеятельности, путем революционного творчества; другие классы, вернее, группы общества, близкие пролетариату, разрешить этой задачи не могут»¹⁶. Этот подход нашел отражение и в резолюциях 2-й Петроградской конференции просветительских организаций Пролеткульта: «Пролеткульт призван создать свою художественную литературу и поэзию»¹⁷. И далее: «Ярче, чем на первой конференции она (резолюция. — Л. Б.) подчеркивает, что «пролетарская культура... может строиться только самостоятельными усилиями того же пролетариата»¹⁸.

Именно это утверждал и А. Богданов — один из ведущих идеологов Пролеткульта: «Выражение “пролетарская культура” означает именно ту культуру, которая вырабатывает новейший пролетариат — индустриальный»¹⁹. Но если исходить из этого положения, то можно заметить, что ведь и сам А. Богданов не являлся представителем пролетариата, тем не менее он не отказывал себе в праве на созидание научно-философских основ пролетарской культуры.

Следует отметить, что позиция Богданова по поводу того, что пролетарскую культуру может и должен создавать преимущественно индустриальный пролетариат, была достаточно популярна. Вот, например, какие аргументы приводились в ее поддержку в редакционной статье журнала «Пролетарская культура»: «Советская власть есть государственно-политическая организация; это, как значится на заголовке “Известий”, власть, исходящая из Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Это — политический блок весьма раз-

личного классового состава, а отнюдь не чистая диктатура пролетариата. Контроль и руководство блока вполне нормальны и целесообразны в деле государственной постановки просвещения для всех классов народа. Но ставить дело организации самостоятельного культурного творчества пролетариата под контроль и руководство идейных представителей крестьянства, армии, казачества, городской мещанской бедноты есть, по меньшей мере, большое унижение культурного достоинства рабочего класса, отрицание его права культурно самоопределяться»²⁰.

Здесь проявилось характерное для большинства идеологов Пролеткульта отсутствие диалектики, в частности, в понимании общественной природы диктатуры пролетариата. Диалектика подменялась формальным подходом. И хотя Богданов допускал, что не только пролетариат может создавать пролетарскую культуру, все же в качестве ее главного создателя он видел в первую очередь индустриальный пролетариат, отодвигая от ведущей роли интеллигенцию, крестьянство, служащих. Как же быть с ними? Ведь по отношению к ним вопрос субъектной и творческой реализации в культуре был не менее актуален, тем более, что эти слои трудящихся на тот период составляли социально доминирующую часть общества.

Утверждение индустриального пролетариата в качестве доминирующего автора новой культуры было вызвано в некотором смысле политическим недоверием Богданова к другим социальным силам и его определенной боязнью возможного и нежелательного их влияния на сознание пролетариата²¹.

Надо сказать, что популярность позиции Пролеткульта по поводу того, что только пролетариат может создать пролетарскую культуру была вызвана еще одним обстоятельством. Дело в том, что революционные массы, испытывавшие на себе всю мощь исторических потрясений, вызванных событиями Первой мировой войны, двух революций, Гражданской войны, искали человеческого отклика в культуре, который отвечал бы трагическому масштабу личных переживаний, выпавших на долю каждого из них.

Тем не менее сказать, что искусство накануне революций 1917 г. было устойчиво обращено к пролетариату, будет явным преувеличением. По большому счету, в предреволюционный период пролетариат, как считали идеологи Пролеткульта, был в некотором роде неприкасаемым в отношении художественного внимания к этому классу. Даже Горький с позиции идеологов Пролеткульта считался недостаточно пролетарским²².

Какое решение возможно

И все же актуальным оставался вопрос, обострившийся в период революционного излома 1917 г.: на какой основе возможно было снятие отчуждения пролетарских масс от культуры?

Тот взрыв общественных противоречий, который привел к Октябрю 1917 г., теоретически оставлял лишь один ход диалектического решения этой проблемы. Суть этого решения заключается в следующем: потребность в культуре у революционных масс может возникнуть только тогда, когда она объективно связывается с необходимостью решения их насущных жизненных проблем. И этими насущными проблемами для них являлись, прежде всего, те, которые были связаны с осуществлением начатых революционными массами масштабных преобразований по организации нового жизнеустройства. Потребность в этих преобразованиях диктовалась, прежде всего, тотальным распадом прежних форм социализации и обусловленной этим обстоятельством объективной необходимостью прорыва из экономической разрухи, из развалов социальных и политических институтов, из разрывающихся в культуре связей и традиций, из накала и жесткости прорвавшегося многовекового антагонизма межклассового противостояния, хотя бы в элементарные жизненные условия. В то же время без созидания (1) принципиально *нового общественного устройства* (2) качественно *новым* социальным субъектом, являющимся одновременно субъектом истории и культуры (*Новым человеком*), такой прорыв осуществить было невозможно.

Возможность разрешения этого противоречия лежала в самой диалектике Октябрьской революции, связывающей эти два субстанциальных условия в одно целое неким *всеобщим* принципом — что может быть крепче? И этим *всеобщим* является принцип *созидания новых общественных отношений (социальное творчество)*²³ на основе *деятельностного снятия существующих форм отчуждения*, который можно назвать *разотчуждением*. Именно *разотчуждение* и явилось не только исходным отношением генезиса истории нового типа, именуемого как *творчество нового мира*, но также и возможной основой преодоления отчуждения революционных масс от культуры.

Последнее было предпосылкой решения еще одного вопроса: даже если у пролетариата и была бы возможность созидать культуру, спрашивается — откуда у него появится сам посыл к творчеству, да еще у целого класса? Да, революция дает пролетариату возможность созидать, но откуда у него возьмется эта *воля к творчеству*, если до этого он веками был отчужден от него, равно как и от самого культурного наследия? Ведь сама возможность созидания еще не рождает интенций творчества, *воли к творчеству*, а без этого не может быть никакой культуры.

Этот вопрос ставился на повестку дня в 1920-е гг. представителями разных культурных и идейных кругов, хотя и с позиции разной заинтересованности в его решении.

Так вот, *воля к творчеству* у революционного субъекта была, и это была именно революционная *воля*. И возникала она не из абстрактной любви к креативности, а из жестких материальных условий:

разрухи, вызванной Первой мировой войной и международной военной интервенцией, а также из неразрешенности тех противоречий, которые разламывали жизненную ситуацию едва ли каждого со всем его нажитым укладом и человеческими связями. Именно жесткая необходимость решения жизненно важных проблем (например, таких, как строительство железнодорожной узкоколейки; налаживание учебного режима в школах в условиях политического саботажа учителей; расчистка заваленного снегом Петрограда в декабре 1917 г.; обеспечение Красной Армии самодеятельными театрами и т.д.) потребовала от революционного индивида культуры в широком смысле слова: понимания социально-политического контекста, творческой организационной смекалки, управленческих способностей и навыков, знания существа решаемого вопроса, умения вступать в диалог с представителями разных социальных групп.

Все это и заставляло его обращаться к культуре, с одной стороны, как к источнику знания, мастерской и инструментарию, а с другой — как к миру отношений, свободных от подавления человека человеком и, более того, утверждающих достоинство человека, причем не абстрактного, а прежде всего человека труда.

Эту объективную заинтересованность в культуре человека труда отмечали даже те, кто активно не принимал политику большевиков, например, Федор Августович Степун. Вот что писал он по этому поводу, вспоминая первые годы революции: «Вспоминается группа деревенской молодежи, с которой наше “трудовое хозяйство” все самые голодные годы занималось предметами, философией и театром, готовя их к поступлению на “рабфак”. Вспоминается их изумительная энергия, непонятная работоспособность, совершенно чудовищная память, для которой пустяк в 3 — 4 дня среди тяжелой крестьянской работы выучить громадную роль и прочесть толстую, трудную книгу; их горячий энтузиазм знания, их быстрый духовный рост; их страстная жажда понять окружающую жизнь — и все это в каком-то новом гордом чувстве призванных и законных хозяев жизни. При этом, однако, ни тени заносчивости, наоборот — величайшая скромность и трогательнейшая благодарность. В самую горячую пору приходили они... “откосить” нам за преподанную им геометрию, алгебру и немецкий язык. Назвать эту молодежь большевистскою было бы, конечно, совершенно неверно, но все же: появилась ли бы она в деревне и без большевистской бучи — еще очень и очень большой вопрос»²⁴.

Другими словами, потребность в культуре у революционного индивида могла возникнуть лишь из двух предпосылок: во-первых, из материальной деятельности по поводу обустройства новой жизни и попыток сохранения тех завоеваний, которые пришлось ему защищать в тяжелой борьбе; во-вторых, из насущной потребности индивида понять, в чем состоят его реальные интересы и перспективы.

Итак, социальное творчество пролетарских масс, вызванное к жизни жесткой необходимостью формирования новой – социалистической – общественной системы, ориентированной на базовые интересы трудящихся, одновременно могло служить диалектической формой преодоления их отчуждения от культуры. Любой другой подход – сначала построить новую систему, а потом заняться окультуриванием масс или сначала решить проблему обеспечения культурного уровня масс, а потом созидать социализм – не имел диалектического потенциала, без которого невозможно было разрешить те противоречия, которые возникли вследствие системного кризиса российского самодержавия.

Таково возможное методолого-теоретическое решение проблемы. Однако проблема в том, как реально развертывалась эта диалектика в истории революционной России. Эта проблема открывает новый спектр вопросов, касающихся разнообразных практик взаимодействия пролетарских масс, большевистского государства и Пролеткульта:

- в какой мере практики Пролеткульта были формой преодоления отчуждения революционных масс от культуры?
- в чем состоял конфликт между идеологами Пролеткульта и Лениным, если учесть то обстоятельство, что Советское государство (через руководство Наркомпроса) изначально было ориентировано на всяческую поддержку Пролеткульта²⁵?
- в чем состояло принципиальное расхождение позиций «верхов» и «низов» Пролеткульта?
- чем Пролеткульт с его практиками почти вековой давности актуален сегодня, когда не то что революционная культура, но даже само понятие «культура» как таковое вытесняется такими понятиями, как «культурные услуги» или «акulturность»?

Все эти вопросы станут предметом дальнейших исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вот какой прогноз развития этой отрасли предоставляет 13-й выпуск ежегодного исследования PwC «Всемирный обзор индустрии развлечений и СМИ: прогноз на 2012 – 2016 годы» (Global Entertainment & Media Outlook 2012 – 2016): «По нашему прогнозу, в ближайшие пять лет мировые расходы на развлечения и СМИ будут стабильно расти при средних темпах годового роста 5,7% и увеличатся с 1,6 трлн долл. США в 2011 г. до 2,1 трлн долл. США в 2016 г.» (Всемирный обзор индустрии развлечений и СМИ: прогноз на 2012 – 2016 гг. Ключевые тенденции мирового и российского рынков. – URL: http://www.pwc.ru/en_RU/ru/entertainment-media/assets/entertainment-and-mediaoutlook_2012_ru.pdf; www.pwc.ru/outlook).

² «Но самая структура масс-медиа остается “эгалитарной по своей сути”, и именно революционной практике предстоит высвободить потенциальные возможности, заложенные в масс-медиа, но искаженные капиталистическим строем, – или, скажем так: освободить масс-медиа, вернуть им их социальное предназна-

чение открытой коммуникации и безграничного демократического обмена, их подлинно социалистическое призвание» (*Бодрийяр Ж.* Реквием по масс-медиа. – URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bodr/Rekviem.php).

³ Дневник Л.А. Тихомирова 1915 – 1917 / сост. А.В. Репников. – М., 2008. С. 329 – 330.

⁴ Там же. С. 331.

⁵ Пролетарская культура. 1919. № 1. С. 19.

⁶ *Блок А.* Крушение гуманизма // *Блок А.* Собр. соч. В 8 т. Т. 6. Проза 1918 – 1921. – М.; Л., 1962. С. 107. Впервые эта статья была опубликована в журнале «Знамя» (1921. № 7 – 8).

⁷ Беседа о пролетарской культуре. 21 марта 1920 года // *De visu.* 1993. № 3. С. 12. – URL: http://imwerden.de/pdf/de_visu_07_1993_text.pdf

⁸ Там же. С. 13.

⁹ В работах А.В. Луначарского постоянно проводится мысль о том, что политическая революция для большевиков никогда не была самоцелью, завоевание власти есть лишь средство для решения главной сверхзадачи революции – формирования *Нового Человека*. Вот что он писал об этом еще задолго до революции: «...революция не принимается за нечто самодовлеющее... революция никогда не была, не есть и не будет целью, революция есть средство, средство к созданию гармонической культуры, к бесконечному росту сил и красоты человека. Человек – вот цель всех нужных и важных вещей: его совершенство – вот что сияет нам, когда мы думаем, а не прем по-зверинному и не “парадоксим”» (*Луначарский А.В.* Об искусстве и революции // *Луначарский А.В.* Собр. соч. В 8 т. Т. 7. Эстетика. Литературная критика. Статьи. Доклады. Речи (1903 – 1928). – М., 1967. С. 140.

¹⁰ В 1907 г. на все народное образование из государственного казначейства было отпущено 101,43 млн руб., в то время как на содержание церковного аппарата – 34,8 млн руб., на содержание царской семьи – 17 млн руб., на расходы по подготовке войны – 442 млн руб. (см.: *Грекулов Е.Ф.* Православная церковь – враг просвещения. – М., 1962. С. 8.). К 1913 г. более 75% населения России оставалось неграмотным. В 1914 г. в России (на 180 млн. жителей) насчитывалось 101 917 начальных, 1654 – неполных средних и 1953 – средних школ. Около 4/5 детей и подростков было лишено образования (см.: *Народное хозяйство в цифрах: Статистический справочник.* – М., 1925. С. 50).

¹¹ Шоо. Пролетарская культура // Пролетарская культура. 1919. № 1. С. 16 – 17.

¹² Беседа о пролетарской культуре. 21 марта 1920 года. С. 14.

¹³ Там же. С. 13.

¹⁴ Там же. С. 21.

¹⁵ См.: *Плетнев В.* На идеологическом фронте // *Правда.* 27 сентября 1922.

¹⁶ Протоколы Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций. – М., 1918. С. 20.

¹⁷ Резолюции конференции по вопросу литературно-издательскому (докладчик Мандельбаум) // Пролетарская культура. 1918. № 5. С. 35.

¹⁸ 2-я Петроградская конференция пролетарских культурно-просветительских конференций. 5 – 9 июня 1919 г. // Пролетарская культура. 1918. № 2. С. 32.

¹⁹ *Богданов А.* Элементы пролетарской культуры в развитии рабочего класса (лекции, прочитанные в Московском Пролеткульте весной 1919 г.). – М., 1920. С. 3.

²⁰ См.: Пролетарская культура. 1918. № 3.

²¹ См.: *Богданов А.* Что такое пролетарская поэзия // Пролетарская культура. 1919. № 1. С. 22.

²² См.: *Полянский В.* О пролетарской культуре. Стенограмма речи, произнесенной в Москве 20 ноября 1920 г. – Ростов-на-Дону. С. 29 – 30.

²³ Это понятие имело несколько определений: «живое творчество масс» (В.И. Ленин), «самодетельность» (К. Маркс), «историческое творчество масс» (Н.С. Злобин) или, как оно стало называться позже, «социальное творчество» (А.В. Бузгалин, А. Колганов).

²⁴ *Степун Ф.А.* Мысли о России // *Степун Ф.А.* Соч. – М., 2000. С. 206 – 207.

²⁵ Например, Пролеткульту предоставлялись лучшие помещения под студии, театры и клубы; низовые структуры обеспечивались кадрами преподавателей и многим другим. Наряду с этим поддержку Пролеткульту оказывали местные органы Советской власти, профсоюзы, рабочие предприятия и т.д. Например, в 1918 г. Самарский Пролеткульт получил от местных органов народного образования 15 тыс. руб.; от губревкома – 8 тыс. руб.; Пермский Пролеткульт – 700 тыс. руб. (см.: ЦГАЛИ. Ф. 1230. Оп. 1. Ед. хр. 229. Л. 90; Зарево заводов (Самара). 1919. № 1. С. 82; Пролетарская культура. 1918. № 3. С. 30; *Пинегина Л.А.* Советский рабочий класс и художественная культура. 1917 – 1932 гг. – М., 1984. С. 73 – 74).

Другой пример: в мае 1922 г. Моссовет принимает решение о выделении Пролеткульту единовременной субсидии в 10 млрд руб. (см.: *Горбунов В.В.* Ленин и Пролеткульт. – М., 1974. С. 185; *Пинегина Л.А.* Советский рабочий класс и художественная культура. 1917 – 1932 гг. С. 74).

Аннотация

Отчуждение масс от культуры – эта проблема в контексте современных процессов глобализации становится настолько актуальной, что требует своего безотлагательного и практического решения. В то же самое время существует мнение, что эта проблема не подлежит решению, ибо является имманентной характеристикой массового общества. Но так ли это? Поиск ответа на этот вопрос заставляет обратиться к тем историческим практикам, в частности, культурным практикам Пролеткульту.

Ключевые слова: диалектика, культура, массы, отчуждение, Пролеткульт, разотчуждение, социальное творчество, субъект,

Summary

Alienation of the masses from the culture becomes one of the most actual problems and practical salvation of this problem is needed. At the same time, one can say, that this problem cannot be solved, because it is an attribute of the mass society, result of the modernization. But is it so? Author shows, that retrospective analysis of the historical practices demonstrates the existence of some attempts to overcome such alienation of masses from the culture. One of such attempts was practices of Proletkult undertaken in revolutionary Russia.

Keywords: culture, contradictions, masses, subject, social creativity, dialectic, alienation, disalienation, «Proletcult», globalization.